

Я не буду говорить о поэте Ирине Гумырниной. Даже ее книга «Сквозь тьму и свет», недавно изданная в Алма-Ате, — не предмет, но повод (для) разговора.

Я думаю, говорить о поэзии, учитывая всю априорную субъективность, можно единственным способом: *я во время чтения (переживания)*. Только так. О поэзии. Стихи — в своей «технической» (почти-объективной) плоскости — конечно, дело другое. И говорить о стихах я не умею. Мне не очень-то интересно.

Да, одна лишь оговорна: русскоязычная Гумыркина живет и работает в таком казахском теперь Алматы, на самом юге страны, у границы с Ниргизией. И языковое напряжение (это чувствуется) дает о себе знать. В подобном положении находится, например, печатавшаяся в майском номере «Юности» за 2020 год Нсения Рогожникова и уже довольно ярко заявившие о себе Винтория Русанова и Амангельды Рахметов (последний, правда, живет гораздо западнее, в Шымкенте).

Вот маяки по кромке моря: страх, слабость, невыносимость (невыразимость?), тишина, плач, колыбель, тьма, свет...

Поэтическое вещество вне трагедии здесь, нажется, не существует. И трагедия эта подчеркнута не-поэтическая: как раз «проблема» невыразимости и немоты отступает на второй план. Это понятная (чуть ли не бытовая) трагедия. Только изредка:

Для кого мне петь, для кого собирать слова?

...

*Как вода в реке бессердечно ломает лед,
так и речь моя – перемолота...*

Вот точно данное состояние трагедии — у Гумырниной по-человечески — беды: *пустынная земля, а под землей – вода*.

Она как будто не умеет писать стихи: но не-сделанная вещь (здесь) представляется чище, переживание — откровеннее, прямее, понятнее. Иногда, впрочем, внутренний накал тухнет о не-умение:

*Сад опустеет неизбежно, скоро,
и небо станет, словно молоко.
А птицы разлетятся, будто листья...*

Не буду говорить о сравнении неба с молоком, а птиц с листьями, обозначу лишь показательную неловность стоящих рядом «словно» и «будто». Здесь *неумело* в значении *незначем*.

Временами просто-напросто подводит внус: «...как было нам по надцать лет и больше». Не хватает не только мастерства, что нормально, но и элементарной, «плоской», работы, крови, плоти — виноградного мяса, как говорил «устаи Батюшкова» Мандельштам.

Но все-таки стихи случаются. Происходят. Живут.

Среди неплотных (так уж «сделано») и несколько бездоказательных (так уж подано) строк вдруг появляется абсолютно живая, и утомленное ямбом стихотворение начинает звучать. Неизбежно и по-настоящему. Песок становится слишком морским, солнце садится

обязательно посередине моря, рыбы сбиваются в стаи — и вода меняет цвет (свет).

Поэтическое у Ирины Гумырчиной — баланс на самой грани небесного света и земной темноты. «Обжигая тонкие крылья», она не стесняется ни женской слабости (так необходимой сегодня!), ни чистого лирического высказывания (низведенного теперь до «отступления»), ни скользящего по реальности и направленного в небя взгляда...

Можно ли сказать, что отправная точка поэтической мысли — рефлексия? Наверное. Но я не возьмусь утверждать, что есть стихи, написанные по какому-либо другому поводу. Главное, чтобы стихотворение перерастало эту начальную точку, становилось больше себя. В лучших вещах у Гумырчиной это получается. Там, где она уходит от нарочитости (не игры: игра — состояние вполне поэтическое), где говорит открыто, чисто и страшно:

*И дал мне Бог молчащее дитя,
родившееся в ночь на понедельник.
Когда не видно звезд, к нему летят
с востока птицы – в ряд у колыбели
салятся и внимают тишине:
она поет – ребенок засыпает.
И что-то тяжелеет вновь во мне,
и это что-то к горлу подступает...*

С одной стороны, без судьбы (в традиционно-советском, почвенническом понимании) в поэзии вряд ли получится удержаться на плаву: она, судьба, как бы остов для поэтической вертикали. Но с другой — так часто — в этой самой «почвеннической традиции» — один остов и торчит, как пустой (незаселенный) скворечник. Уж лучше и честнее воздух — лирическое бормотание космополита... В этом смысле Ирина Гумырчина на полпути, то есть на золотой, как закатное солнце, середине.